

И.В. Федюнин. “ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ЮЖНОГО ПОДОНЬЯ”. Воронеж: ВГПУ, 2010. 204 с., 86 ил.

Монография И.В. Федюнина – результат возросшего интереса к памятникам палеолита и мезолита Верхнего и Среднего Дона. Если проблематика мезолитической эпохи рассматриваемого региона находится в фокусе внимания археологов с середины XX в. (Левенко, 1966; Синюк, 1986; Бессуднов А.Н., 1997 и др.), то палеолит за пределами Костенковско-Борщевского района ассоциировался у исследователей преимущественно с Гагаринской стоянкой (Замятнин, 1935; Тарасов, 1979). На остальной части этого обширного региона о следах пребывания палеолитического человека практически ничего не было известно, за исключением единичных разрозненных памятников с небольшими коллекциями (Замятнин, 1952; Борисковский, 1961; Тарасов, 1983; 1996; Шабалин и др., 2004; Бессуднов А.Н., 2004).

Основная цель работы – ввод в научный оборот новых материалов, в том числе полученных в результате экспедиционной деятельности автора. И хотя И.В. Федюнин пишет, что “работа носит предварительный характер” (с. 4), ее можно считать вполне законченной: она не только состоит из описания новых коллекций, но в ней предпринимается попытка общего анализа и поиска таксономической и хронологической позиции индустрий в системе древностей как рассматриваемого региона, так и сопредельных территорий.

Первое, что бросается в глаза, – не совсем удачное название. Прочитав его, мысленно переносишься на юг Ростовской области в поисках “Южного Подонья”. Сам автор пишет, что “...Южное Подонье располагается на юге Среднего Дона, не имея естественных четко географически- или палеогеографически обусловленных границ. Он (регион. – А.Б.) соответствует южной части современной Воронежской области...” (с. 5)¹. Мотив автора в выборе именно этой узкой территории (а не всего бассейна Среднего Дона) ясен: в работе, выполненной в виде каталога всех известных памятников, он, таким образом, сознательно избегает перечисления и описания материала многочисленных палеолитических памятников Костенок и мезолитических стоянок левобережья Дона южнее Воронежа. Фактически, в издании речь идет о памятниках палеолита и мезолита юга Воронежской области, объединенных по административному, а не по географическому принципу.

Монография состоит из четырех глав и четырех приложений. В первой главе подробно рассматривается геологическое и геоморфологическое строение бассейна Среднего Дона. Затрагиваются вопросы палеогеографии региона с акцентом на характеристику палеоклиматических реконструкций голоцена, основанные на данных споро-пыльцевых анализов геологических и археологических разрезов, выполненных Т.Ф. Трегуб. Палеогеография плейстоцена (неразрывно связанного с палеолитом) не рассматривается, хотя подобные построения для указанной территории хорошо известны (Грищенко, 1976; Спиридонова, 1991).

Особое внимание в первой главе уделяется сырьевой проблеме. Описание источников сырья и его основных характеристик является наиболее полным для территории Среднего Дона. Повышенного внимания, несомненно, заслуживает обнаружение нового месторождения качественного кремня в

Донском Левобережье – на севере Калачской возвышенности (с. 12).

Попытка определения хронологических рамок использования разных видов сырья, предпринятая И.В. Федюниным, интересна, но, как минимум, дискуссионна. Суждение автора о том, что “расцвет призматической техники расщепления, основанной на меловом кремне, по мнению большинства исследователей, приходится именно на позднюю пору верхнего палеолита” (с. 15), – неверно. Техника, направленная на получение призматических пластин, и моносырьевая база (черный меловой кремнь) характерны для обитателей стоянок граветтского технокомплекса, первое появление которых на Дону фиксируется ~28 тыс. л.н. (Костёнки 8 (II)), а расцвет происходит в интервале ~24–20 тыс. л.н., т.е. в *среднюю пору* (курсив мой. – А.Б.) верхнего палеолита (Синицын, 2006). В позднюю пору верхнего палеолита на стоянках также преобладает черный меловой кремнь, однако памятники этого времени на Среднем Дону единичны (по сравнению с ранней и средней порами), при этом возраст большинства позднеледниковых костёнковских стоянок рядом исследователей подвергается сомнению (см., например, Синицын и др., 1997; Праслов, 1999). Также нельзя согласиться с утверждением автора об отсутствии на территории Среднего Дона верхнепалеолитических кварцитовых комплексов (с. 15). В большинстве полисырьевых индустрий ранней поры верхнего палеолита Костёнок кварцитовые изделия играют значительную роль, а на некоторых стоянках кварцит преобладает над кремнем (Костёнки 14 (III), Костёнки 8 (III), Костёнки 11 (V): Палеолит..., 1982).

В начале второй главы И.В. Федюнин останавливается на принципах выделения мезолита как эпохи, подробно освещая дискуссию о правомерности термина “мезолит”, продолжающуюся в научной среде по сей день. Автор справедливо отмечает, что “...основу периодизационной схемы должен составлять комплексный анализ, прежде всего, каменных индустрий...” (с. 20). В то же время проблема выделения мезолитической эпохи еще далека от решения и, вероятно, для каждого региона должна решаться по-своему. Как показывает практика, типологические и технологические критерии не являются универсальными и применимыми одинаково для всех территорий. В то время как на Дону технико-типологическое сходство верхнепалеолитических и мезолитических индустрий едва ли прослеживается (Бессуднов А.А., 2011), признаки преемственности технологии производства пластин присутствуют в Волго-Окском бассейне (Амирханов, 2004). На Северном Кавказе техника первичного расщепления с позднего палеолита до мезолита не меняется, однако в типологическом плане мезолитические индустрии отличаются, прежде всего, наличием геометрических микролитов (Леорова, Александрова, 2012). Совсем другая картина складывается в Закавказье: здесь технико-типологический набор индустрий практически не меняется с максимума последнего оледенения до ~10 тыс. л.н., при этом появление геометрических микролитов отмечается всеми авторами в довольно раннее время (Бадер, 1984; Голованова, Дороничев, 2012). Техника отжима, появление которой традиционно связывается с “эпипалеолитическим временем” (Гиря, 1997. С. 149), в свою очередь не может считаться однозначным признаком мезолита. С одной стороны, не все индустрии достоверно голоценового возраста центра Русской равнины основаны на отжимной технике. С другой –

¹ Сходное “административное” определение термина “Южное Подонье (Придонье)” дается: Синюк и др., 1989.

применение отжима в Сибири фиксируется уже при переходе от среднего палеолита к верхнему (Деревянко, 2011).

В этой же главе приводится методический раздел о принципах полевых и лабораторных исследований. Предложенная И.В. Федюниным электронная база данных для анализа каменного инвентаря позволяет обрабатывать коллекции различных памятников, основываясь на универсальных критериях. Немаловажное преимущество базы данных – ее открытая структура, позволяющая добавлять дополнительные характеристики в ходе исследования.

Третья глава построена по принципу каталога: в ней в хронологическом порядке приводятся все известные к настоящему времени палеолитические и мезолитические стоянки современного юга Воронежской области. Описание памятников четко структурировано: после геоморфологии и стратиграфии следует планиграфическое описание находок (где возможно), затем характеризуются собственно артефакты – каменный и костяной инвентарь. Вся описательная часть сопровождается подробными иллюстративными и фотоматериалами.

Отличительная особенность большинства стоянок эпохи палеолита за пределами Костёнок – малочисленность коллекций, отсутствие четкой стратиграфии и слабая обеспеченность естественно-научными данными. В этой связи часть переотложенных коллекций, а также многослойных комплексов, четко не разделенных стерильными прослойками, может содержать различные разновременные примеси. Осторожное отношение автора монографии к определению хронологической и таксономической позиции индустрий, тем не менее, позволяет ему однозначно их интерпретировать. Остановимся подробнее на наиболее проблемных моментах.

По мнению И.В. Федюнина, наиболее древними являются местонахождения Белая Гора и Шубное, относящиеся, как минимум, к “доверхнепалеолитическому времени” (с. 156). Такая интерпретация стоянки-мастерской Белая Гора, расположенной на выходах кварцитового сырья, неоднозначна. Несмотря на констатацию автором применения леваллуазского расщепления, типичные нуклеусы и сколы леваллуа в коллекции отсутствуют. Комбинация плоскостного расщепления с призматическим и наличие таких развитых типов орудий, как резцы, а также вторичное залегание находок, могут свидетельствовать как о неоднородности коллекции, так и о ее более позднем возрасте. Известно, что мастерские обладают специфическим набором каменного инвентаря. Присутствие грубых, атипичных и аморфных форм в совокупности с незакаченными и бракованными изделиями на этом типе памятников характерно как в палеолитическое, так и в голоценовое время (Гурина, 1976; Матюхин, 1999). Поэтому датировать мастерскую, основываясь только на морфологическом облике орудий, едва ли правомерно.

Не вполне ясной представляется ситуация с коллекцией кварцитов с местонахождения Шубное, датированной С.Н. Замятниным (1952) ашело-мустьерским временем. Действительно, после небольших, по сути, разведочных работ на местонахождении в 1920-е годы, памятник был забыт и если упоминался авторами, то только вскользь в некоторых обобщающих работах или сводках (Формозов, 1959; Береговая, 1960). Однако он был забыт не случайно. Н.Д. Праслов, в ходе разведок вдоль Дона, осмотрел Шубное и пришел к выводу, что большая часть обнаруженных им изделий – псевдоорудия. К тому же, по его сведениям, в селе находились кварцитодробильные мастерские, продукты производства которых были весьма похожи на некоторые типы аморфных изделий

и заготовок (Н.Д. Праслов – устное сообщение²). По всей видимости, именно поэтому в обобщающей работе по раннему палеолиту Русской равнины автор при описании пунктов единичных находок ручных рубил не упоминает Шубное (Праслов, 1984). Местонахождение также не упоминается и в его докладе на соискание докторской диссертации (Праслов, 2001), хотя менее яркие пункты (Мосоловка, Малое Нелядино и др.) в работу включены. Да и сам первооткрыватель Шубного С.Н. Замятнин (1951) в одной из обобщающих работ упоминает местонахождение лишь в примечании, отмечая, что “грубые оббитые кварциты маловыразительны ...” (с. 104), не отвергая при этом возможности их антропогенного происхождения. Новые работы И.В. Федюнина на местонахождении также не доставили каких-либо морфологически законченных форм: им были обнаружены аморфные рубиловидные орудия, подобные “рубилам” С.Н. Замятнина. Автор ставит под сомнение их типологическое определение, однако датирует индустрию, как минимум, среднепалеолитическим временем, что делает ее одной из самых древних на Дону.

Несколько переоцененным представляется значение Назаровки как многослойной стоянки с палеолитическим и мезолитическим горизонтами находок. Отнесение нижнего слоя к верхнему палеолиту требует более серьезной аргументации. Большая часть материала – переотложена, горизонты находок “тонкие” и находятся близко к поверхности. Из текста не ясно, разделены ли палеолитический и мезолитический слои стерильной прослойкой. Помимо этого отсутствуют данные естественнонаучных методов. Проблема выделения палеолитического материала из механически смешанной коллекции решается И.В. Федюниным по наличию/отсутствию патины на кремнях. Следует признать, что такой метод не является надежным, так как патина на меловом кремне – результат воздействия физико-химических процессов (т.е. ее появление зависит от условий залегания) и не всегда служит показателем возраста (Ковнурко, 1971). Вероятно, именно поэтому по технико-типологическим показателям палеолитический слой, по сути, отличается от мезолитического только наличием в последнем геометрических микролитов. Тем не менее автор, основываясь, главным образом, на присутствии в палеолитическом слое “острия цонхофен” (специфический тип аренсбургских стоянок; см. Жилин, Кольцов, 2008), обломка пластины с притупленным краем, скребка-резца и орудий с плоской подтеской (с. 158), относит индустрию к граветтскому технокомплексу (а в английском резюме – к граветту).

Самотоевка – одна из двух стратифицированных стоянок за пределами Костёнок. И.В. Федюнин делает вывод, что для вторичной обработки кремневых изделий характерно применение разнообразной ретуши и техники резцового скола. Среди орудий он выделяет треугольные микролиты, орудия с плоской подтеской и единичные микрорезцы, что, по его мнению, сближает индустрии Самотоевки и Назаровки. Основываясь на сходстве, главным образом, треугольников, И.В. Федюнин подчеркивает близость индустрий стоянок Самотоевка и Быки I, а сочетание микролитов и микрорезцовой техники, как ему представляется, находит аналогии в материалах памятников Роголицко-Передельского района. Такая интерпретация существенно отличается от нашей (Бессуднов А.А., 2011; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2012). В первую очередь это объясняется тем, что И.В. Федюнин делает выводы, основываясь на анализе искусственной выборки коллекции, составляющей менее 3% от общего числа находок. Анализ всей коллекции показал, что для индустрии характерно присутствие много-

² Коллекция сборов Н.Д. Праслова хранится на базе Костёнковской экспедиции ИИМК РАН (с. Костёнки).

фасеточных резцов, разнообразных скребков, среди которых выделяются округлые, при незначительном числе изделий с притупленным краем (в том числе треугольных микролитов). Весьма необычно для стоянки, имеющей радиоуглеродный возраст 16–15 тыс. л.н., практически полное отсутствие ретушных резцов и минимальное использование крутой и полукрутой ретуши. Характерных изделий, изготовленных с помощью “микрорезцовой техники” (Нужный, 2008) в коллекции не выявлено. Такие технико-морфологические характеристики позволяют сближать Самотоевку с памятниками “замятинской культуры” в Костёнках (Бессуднов А.А., 2011). Говорить о сходстве самотоевской индустрии с Назаровкой пока преждевременно из-за малочисленности коллекции последней. Если принадлежность материала Назаровки к эпиграветту (но никак не к граветту) вполне возможна, то Самотоевка явно не входит в круг памятных “восточного эпиграветта”.

В четвертой главе и в Заключение автор подводит итог исследования и делает попытку определения места и хронологии рассмотренных в монографии памятников. Следует отметить точку зрения о выделении на Среднем Дону стоянок финально-палеолитического времени. На наш взгляд, имеющиеся данные не позволяют этого сделать. К настоящему времени в Подонье отсутствуют четко датированные стоянки в диапазоне от беллинга до позднего дриаса (~13.5–10 тыс. л.н.), как собственно и индустрии финальнопалеолитического облика.

Главное достоинство монографии – введение в научный оборот материалов новых памятников и возвращение к исследованию уже известных стоянок с иных технико-методологических позиций. Четкая структура работы позволяет легко ориентироваться в тексте. Присутствует и ряд мелких недочетов (неточности в цитировании, местами некорректный перевод на английский язык и т.д.), неизбежных при написании обобщающих трудов. Следует отметить некоторый перекосяк в сторону мезолита при описании палеогеографии и в методической главе, что является отражением полевой деятельности И.В. Федюнина.

Наиболее дискуссионны, на наш взгляд, теоретические построения автора. В работе затронуты важные проблемы атрибуции “неполноценных” коллекций. Призывая к осторожности в интерпретации возраста и таксономической позиции памятников с переотложенными и/или смешанными культурными слоями, автор, в то же время, четко их датирует. Относительное датирование каменных индустрий только типологическим методом устарело, тем более что типология не всегда работает на таких типах памятников, как мастерские. Также не стоит целиком полагаться на данные споро-пыльцевого анализа (Сорокин, 2006). Очевидно, что на современном этапе развития археологии каменного века без комплексных исследований интерпретация культурной принадлежности и определение возраста стоянок преждевременны.

В целом работа И.В. Федюнина существенно расширяет источниковедческую базу палеолитических памятников бассейна Среднего Дона и отражает проблематику развития каменных индустрий на ключевом рубеже плейстоцена – голоцена. Неоднозначность в интерпретациях коллекций каменного инвентаря лишь подчеркивает сложность и актуальность затрагиваемых вопросов. Стоит отметить высокую публикационную и экспедиционную активность автора, позволяющую закрывать белые пятна на карте Восточной Европы в эпоху камня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 2004. С. 5–18.

Бадер Н.О. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР / Отв. ред. П.И. Борисковский. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 272–301.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л.: АН СССР, 1960. 218 с. (МИА; № 81).

Бессуднов А.А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 31 с.

Бессуднов А.Н. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 22 с.

Бессуднов А.Н. Новые верхнепалеолитические местонахождения бассейна Верхнего и Среднего Дона // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Тез. Междунар. конф. (23–26 августа 2004 г.) / Ред. М.В. Аникович, Н.И. Платонова. Воронеж: Истоки, 2004. С. 92, 93.

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А. Позднепалеолитическая стоянка Самотоевка в бассейне Черной Калитвы // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України: Матер. III Луганської міжнар. істор.-археолог. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Гл. ред. В.В. Отрошенко. Луганськ: Елтон-2, 2012. С. 37–45.

Борисковский П.И. Кремневые мастерские в окрестностях Валук на реке Оскол // КСИА. 1961. № 82. С. 104–111.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии: сб. статей к 60-летию А.Н. Сорокина / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 59–102.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: Академ Принт, 1997. 198 с.

Гриценко М.Н. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М.: Наука, 1976. 228 с.

Гурина Н.Н. Древние кремнеобрабатывающие шахты на территории СССР. Л.: Наука, 1976. 228 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Жилин М.Г., Кольцов Л.В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М.: ИА РАН, 2008. 313 с.

Замятин С.Н. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // ИГАИМК. 1935. Вып. 118. С. 26–77.

Замятин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951 (Тр. института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, н.с.; Т. XVI). С. 89–152.

Замятин С.Н. Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубного Воронежской области // Уч. зап. МГУ. Вып. 158. М.: Издание МГУ, 1952. С. 49–62.

Ковнурко Г.М. Состав, происхождение и вопросы патинизации конкреций кремня: Автореф. ... канд. геол.-минерал. наук. Л., 1971. 20 с.

Левенок В.П. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА. 1966. № 126 (ИА АН СССР). С. 88–98.

- Леонова Е.В., Александрова О.И. Динамика культурных процессов в верхнем палеолите северо-западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012. С. 21–28.
- Матюхин А.Е. О структуре, типах и принципах изучения палеолитических мастерских // Археологические вести. № 6. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 272–286.
- Нужний Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ, 2008. 308 с.
- Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л.: Наука, 1982. 285 с.
- Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / Ред. П.И. Борисковский. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 94–134.
- Праслов Н.Д. Костёнковская модель развития верхнего палеолита // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / Отв. ред. М.В. Аникович, Н.Д. Праслов. СПб., 1999. С. 49–51.
- Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры): Дис. в виде науч. докл. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001. 46 с.
- Синицын А.А. Модели адаптации и культурные различия палеолита Костёнок // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны: Матер. Междунар. симпозиума (Ростов-на/Д.; Азов, 26–29 сентября 2006 г.) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на/Д.: ЮНЦ РАН, 2006. С. 336–340.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы / Ред. А.А. Синицын, Н.Д. Праслов. СПб.: Академ Принт, 1997. С. 21–66.
- Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: ВГУ, 1986. 178 с.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И., Старцева Т.С. Памятники археологии Южного Придонья: Аннотированный указатель. Воронеж, 1989. 222 с.
- Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. 2006. № 2. С. 91–98.
- Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.: Наука, 1991. 221 с.
- Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979. 168 с.
- Тарасов Л.М. Масловка – палеолитическая стоянка на р. Воронеж // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 67–71.
- Тарасов Л.М. Палеолит бассейна Верхнего Дона // Археологические памятники Лесостепного Придонья. Вып. 1 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. С. 72–86.
- Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: АН СССР, 1959. 126 с.
- Шабалин М.И., Праслов Н.Д., Холмовай Г.В. Открытие палеолита в окрестностях г. Воронежа // Вестн. Воронежского государственного университета. Геология. 2004. № 2. С. 44–48.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

А.А. Бессуднов

С. Бобомуллов. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА (XX – начало XXI в.). Душанбе: Истеъдод, 2010. 268 с.

Монография С. Бобомуллова посвящена итогам более чем 100-летнего изучения археологических памятников Южного Таджикистана – региона, который в древности входил в состав Бактрии–Тохаристана. Она состоит из четырех глав, введения, заключения, приложения и списка литературы. В основу изложения текста глав автором взят хронологический принцип: 1. Первая половина XX в.; 2. Работы Таджикской археологической экспедиции (1952–1972 гг.); 3. Работы Южно-Таджикостанской археологической экспедиции (1973–1990 гг.); 4. Изучение археологических памятников Таджикистана в годы независимости республики.

В первой части монографии автор обращается к дореволюционному этапу изучения археологических памятников Восточной Бухары, частью которой был тогда Южный Таджикистан. После присоединения Средней Азии к России в ее пределы приезжали по долгу службы военные, чиновники,

исследователи разных специальностей. Раскопки они не вели, но зафиксировали и описали целую серию археологических памятников, собирали вещи и монеты. Особая роль в этом принадлежит редактору газеты “Туркестанские ведомости” Н.А. Маеву. В составе Гиссарской экспедиции в 1875 г. он первым из русских исследователей посетил Восточную Бухару. В 1879 г. Н.А. Маев еще раз приезжал в ее пределы в составе Самарской ученой экспедиции. Особенно удачной была вторая поездка, когда Н.А. Маев обследовал в Вахшской долине развалины средневекового города Хелаверда, городище Тахти Сангин, посетил Кобадан (Маев, 1879. С. 149–228; Жуков (Маев), 1880).

До революции в Восточной Бухаре работала этнографическая экспедиция графа А.А. Боговлянского, в ее составе находился, еще будучи студентом Лазаревского института, А.А. Семенов, в дальнейшем крупнейший знаток средневеко-